

В.П. Мещеряков

Молчалин

Молчалин Алексей Степанович — персонаж комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», секретарь Фамусова, живущий у него в доме и числящийся «по архивам». Его положение в доме так определено Фамусовым:

Безродного пригrel и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содейство,
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

Чацкий, на несколько лет потерявший Молчалина из поля зрения, спрашивает у Софьи:

Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристаёт: пожалуйста списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

Действие комедии начинается с эпизода, в котором из спальни Софьи ранним утром слышится дуэт фортепьяно (Софья) и флейты (Молчалин). Из разговора Софьи с Лизой выясняется, что Молчалин провел у Софьи всю ночь — они, по словам Софьи, «забылись музыкой, и время шло так плавно». Софья видит в нем много достоинств: «Молчалин за других себя забыть готов, Враг дерзости, — всегда застенчиво, несмело, Ночь целую с кем можно так провести!» Для нее Молчалин чуть ли не идеал влюбленного, который сконструирован на основе французских сентиментальных романов.

Молчалин же реальный прежде всего проявляет себя в деловой сфере. Первая его более или менее пространная реплика относится к его служебным обязанностям: бумаги, которые поручил ему Фамусов, «в ход нельзя пустить без справок, без иных, Противуречья есть, и многое не дельно».

«Влюбленность» Молчалина обнаруживается в очень немногочисленных словах, причем каждый раз он произносит их чуть ли не под давлением Софьи. Характер отношений молодых людей вполне определяется в эпизоде падения Молчалина с лошади. Молчалин озабочен только сокрытием тайны, чувства Софьи его не интересуют («Не повредила бы нам откровенность эта», «Ах! злые языки страшнее пистолета»). Молчалин одновременно играет роль и скромного вздыхателя, боготворящего возлюбленную, и человека, который «знает свое место» («Я вам советовать не смею»).

Предоставленный сам себе (наедине с Лизой), Молчалин круто меняет и манеру поведения, и даже лексикон.

Какое личико твое!
Как я тебя люблю! —

весьма развязно обращается он к служанке. А в описании туалета, который Молчалин обещает подарить Лизе, если она будет к нему благосклонна, он чуть ли не поднимается до поэтических высот.

Молчалин так мастерски ведет свою партию на людях, что Чацкий, замечающий, как Софья увлечена М, начинает искать в нем достоинства, которых он, как теперь Чацкому представляется, мог и не заметить.

Перед Молчалиным не прав я, виноват,
Быть может, он не то, что три года назад...

И все же Чацкий не может поверить в эволюцию Молчалина:

Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та? —

вопрошает он Софью. Аргументы Софьи в защиту Молчалина на фоне пронизательности Чацкого выглядят если не легковесными, то явно надуманными, книжными:

Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел;
При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочим,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог,
<...>
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

В раздражении Софья рисует такой портрет Молчалина, в котором акцентируются свойства противоположные тем, каковыми наделен Чацкий.

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?
<...>
...Он, наконец: уступчив, скромн, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит...

И сам Молчалин в обращении с Чацким придерживается той же роли трудолюбивого и неприятельного юноши, полностью довольного своей участью. Он подчеркивает, что его главные достоинства — «умеренность и аккуратность», уже принесшие свои плоды — «три награжденья». В разговоре с Чацким Молчалин настолько «прямодушно» гордится своим знакомством с высокопоставленными лицами (Татьяна Юрьевна и Фома Фомич, «начальник отделения»), что это наводит на подозрение: уж не иронизирует ли Молчалин над собеседником? Свои жизненные принципы Молчалин формулирует следующим образом:

Не смею моего сужденья произнеть.
<...>
В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Но эта мораль используется Молчалиным лишь для прикрытия собственных эгоистических побуждений. Его слова «ведь надобно ж зависеть от других» имеют тот смысл, что Молчалин полагается на круговую поруку лиц, заинтересованных в выгоде, которую легче получить общими усилиями, а вовсе не означают, что Молчалин согласен всегда подчиняться «старшим». На настоящей ступени своего существования Молчалин в общении с сильными мира сего весьма успешно пользуется лестью. Он говорит Хлестовой:

Ваш шпиг — прелестный шпиг, не более наперстка,
Я гладил все его: как шелковая шерстка! —

и легко добивается благоволения старухи. Абсолютно справедливо заключение Чацкого, который, понаблюдав за Молчалиным, резюмирует:

Молчалин! — Кто другой так мирно все уладит!
Там моську вовремя погладит!
Тут впору карточку вотрет!...

Нехитрая мораль, усвоенная многими поколениями молчалиных, в мире Фамусовых пусть не скоро, но приводит к успеху. Формула этого успеха такова:

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Но и Молчалин под натиском страстей молодости не может выдержать постоянного притворства. Устав изображать почтительного платонического любовника, он на какой-то миг открывается Лизе. В этой сцене обнаруживается основное состояние души благонамеренного и скромного юноши: Молчалин постоянно ходит по лезвию ножа, все время опасаясь, что кто-либо раскусит его подлинную натуру — и тогда придется проститься с успешно начатой карьерой. Он признается Лизе:

...А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянет!..

В конце концов и Софья, в укрытии слышавшая исповедь Молчалин, в гневе восклицает: «В вас меньше дерзости, чем кривизны души». Но этот приговор справедлив лишь наполовину. Чтобы вести себя подобно Молчалину, необходима и дерзость игрока, который с маленькой картой надеется сорвать банк. Правда, Молчалин не гибок — и в экстремальной ситуации он прибегает все к тому же испытанному средству — тотчас же надевает привычную маску почтения и послушания («Сделайте мне милость...», «Как вы прикажете»).

Разгневанный Чацкий полагает, что Софья простит Молчалина:

Вы помириться с ним по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спсылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей
Высокий идеал московских всех мужей.

Но скорее всего, Чацкий ошибается. Едва ли оскорбленная Софья вновь приблизит к себе Молчалина. Скорее Фамусов, нуждающийся в человеке, который бы делал за него черновую работу, после более или менее длительного «отлучения» вновь вернет Молчалина, хотя теперь и будет приглядывать за ним тщательнее прежнего.